

УДК : 159.923.2

Рудницька Світлана Юріївна, доктор психологічних наук, доцент, завідувач лабораторії когнітивної психології Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України

e-mail: rudnsvit@gmail.com

МІФОЛОГІЧНІ РЕСУРСИ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУЮВАННЯ ДОСВІДУ ОСОБИСТОСТІ

Анотація

У статті представлено теоретичне узагальнення аналізу проблеми міфологічних ресурсів конструювання досвіду особистості, зумовлених здатністю людини пізнавати світ за допомогою символічних форм.

У руслі психологічної герменевтики дискурсивне конструювання досвіду особистості розглядається як сукупність соціально-психологічних практик вибудовування особистістю власних ідентичностей, заснованих на привласненні заданих культурою норм і стратегій самоорганізації; як інтеграція окремих різнорідних «дискурсивних реальностей» індивіда в зв'язну цілісність шляхом мовленнєвих практик в процесі особистісного смислотворення.

Обґрунтовано, що в процесі дискурсивного конструювання досвіду умовою генерації нових особистісних смислів виступають як узагальнення індивідуального досвіду, так і засвоєні ззовні «готові» соціокультурні концепти, які мають міфологічну природу.

Показано, що ресурсом міфу як об'ємного контексту для актуального буття суб'єкту є його здатність фіксації на широкій перспективі, що, у свою чергу, призводить до осмислення сфери можливостей особистості, її життєвого обр'ю.

Підкреслено, що значення міфу в процесі конструювання особистісного досвіду зумовлено його основними психологічними функціями, що сприяють породженню й утримуванню особистістю в її суб'єктивному просторі життя цілісності картини світу, створенню ідеалів і зразків її можливих життєздійснень,

перериванню причинно-наслідкової детермінації життєвих подій, зняттю проблеми мотивації і пошуку смислу.

Ключові слова: міф, смисл, особистість, особистісний досвід, контекст, дискурсивне конструювання досвіду.

Svitlana Rudnytska, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory of Cognitive Psychology G.S. Kostiyk Institute of Psychology of the NAES of Ukraine

MYTHOLOGICAL RESOURCES FOR DISCURSIVE CONSTRUCTING OF PERSONALITY'S EXPERIENCE

Abstract

The article presents a theoretical generalization of analysis of the issue of mythological resources for constructing of personality's experience, conditioned by a person's ability to cognize the world by means of symbolic forms.

In line with psychological hermeneutics the discursive constructing of personality's experience is considered as a set of socio-psychological practices of building own identities by a person, which are based on assignment of norms and strategies of self-organization set up by culture; as integration of separate heterogeneous "discursive realities" of individual into a coherent whole by means of speech practices in process of personal generation of senses.

The author proved that both generalizations of personality's experience and adopted from outside "ready-made" socio-cultural concepts of mythological nature can act as conditions for new personal senses generation in the process of discursive constructing of experience.

The article shows that resource for a myth as a volumetric context for actual being of a subject is its ability to fixate on a broad perspective, which in turn leads to comprehension of personality's scope of opportunities, its life horizon.

It is emphasized that the significance of a myth in the process of constructing of personality's experience is conditioned by its main psychological functions, which contribute to generation and retention of integrity of world's image by a personality in its subjective life's area, to creation of ideals and patterns of its potential life-fulfillments, to interruption of causal determination of life events, to removal of the issue of motivation and search for a sense.

***Keywords:** myth, sense, personality, personal experience, context, discursive constructing of experience.*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Постановка проблемы. Радикальный поворот в интерпретации социальных явлений в русле постнеклассических социальных теорий и в постмодернистских «интеллектуальных вызовах» эксплицировал себя, прежде всего, в трансформации понимания самого понятия социальной реальности. В обозначенных парадигмальных координатах социальная реальность замещается реальностью нарративно-дискурсивной, а конституирующие ее коммуникации артикулируются уже не как функции или другие производные социальных отношений, а непосредственно как дискурсивно-речевые практики.

Чрезвычайно важную роль в этом процессе играют личностно-ориентированные дискурсы, которые, согласно взглядам В.З. Демьянкова, представляют собой проявления «текста в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [3]. В результате такой интерпретации и реинтерпретации субъект продуцирует личностные тексты, имеющие как ретроспективную, так и проспективную направленность. «Выстраивая личный нарратив, человек конструирует в собственном смысловом пространстве определенную иерархию жизненных смыслов, которые структурируют и упорядочивают ее индивидуальный жизненный опыт, а также выстраивает смысловую основу для построения жизненных и личностных проектов на основе

интерпретации собственной личности, собственной жизни, а также окружающей социокультурной реальности» [8, 36].

В постнеклассической методологии дискурсивное конструирование опыта проблематизируется как совокупность социально-психологических практик воспроизводства личностью собственных идентичностей, базирующихся на присвоении субъектом заданных культурой стратегий и норм самоорганизации. При этом множественность идентичностей соотносится с многовекторностью самоконструирования современного человека.

Согласно концепции Н.В. Чепелевой, конструирование личностного опыта «предполагает наличие во внутреннем плане сознания некоего дискурсивного поля, постоянно пополняемого за счет приобретаемого опыта, обобщаемого на основании внутренних интенций личности и структурируемого под влиянием целей, мотивов, намерений человека» [9, 342] и реализуемого в процессе дискурсивных практик, актуализирующих резервы личностного развития.

С ее точки зрения, основными видами дискурсивных практик являются практики интерпретации, понимания, трансформации Я-текста личности. А одним из механизмов понимания личного опыта, по мнению Н.В. Чепелевой, является мифологический механизм [9], выполняющий смыслообразующую функцию в жизни индивида и обладающий мощным потенциалом саморазвивающейся личности.

В контексте психологической герменевтики, составляющей методологический фундамент нашего исследования, дискурсивное конструирование личностного опыта можно рассматривать как интеграцию отдельных разнородных «дискурсивных реальностей» индивида в связную целостность путем речевых практик в процессе личностного смыслообразования (смысловоспроизведения).

При этом условием генерации новых смыслов в процессе дискурсивного конструирования опыта выступают как обобщения эмпирического индивидуального опыта личности, так и усвоенные извне «готовые»

социокультурные концепты, которые с точки зрения Д.А. Леонтьева, имеют мифологическую природу [5].

Иными словами, порождение личностных дискурсов (автонарративов) частично основывается на ассимилированном собственном опыте, а частично – на мифологии. Так, согласно взглядам Д.А. Леонтьева, «первое является продуктом переработки бытия-в-мире и определяется им, второе всегда в некотором смысле предшествует бытию и выступает опорой для него» [4, 74].

Действительно, мифы содержат ответы на вопросы, которые субъект в своей повседневной жизни, может быть, и не задает (и, возможно, даже никогда не задаст), но эти вопросы потенциально могут вставать перед ним (так как они перед другими людьми когда-то уже вставали), и ему необходимо иметь варианты ответов (наборы ресурсов для поиска ответов) на них.

Очевидно, что эти мифологические базовые сюжеты («бродячие сюжеты», «вечные типы», лейтмотивы, «вечные образы» и пр.) могут иметь чрезвычайно важное значение для человека при решении «задач на Я потенциальное», которые он ставит перед собой в процессе конструирования опыта, когда личность выводит себя за пределы наличного смыслового поля, тем самым порождая возможность своей внутренней трансформации.

Основным видом дискурсивного конструирования опыта является конструирование нарративное, результатом которого становится мультинарратив, расслоенный на отдельные пространственно-временные, событийные и эмоционально-смысловые составляющие. Ведущим механизмом нарративного конструирования личностного опыта выступает механизм интерпретации.

Способы и стратегии интерпретации и переосмысления собственного опыта, по мнению Д.А. Леонтьева, находятся в континууме, задаваемом двумя оппозиционными полюсами. К первому он относит строгий дедуктивный вывод планов на будущее из знания, как устроен мир и как надо себя вести в этом мире, «уверенность в завтрашнем дне». Второй представляет собой описанную в

экзистенциальной философии пограничную ситуацию, в которой «опыт не помогает», ориентиры отсутствуют и возможно только экспериментирование, «чистое беспредпосылочное бытие-в-мире» [4].

Принцип «здесь-и-теперь» отображает актуальный процесс существования человека. Он может выступать продуктивной стратегией в работе психолога, которая способствует развитию способности индивида жить в реальном, а не в вымышленном, фантазийном, виртуальном мире. В то же время, абсолютизация этой идеи и наделение его статусом «панацеей от всех бед», приводит к тому, что сама идея рискует превратиться в мифоподобную конструкцию.

Так, согласно взглядам Д.А. Леонтьева, ситуация «здесь-и-теперь» смещает акцент с широты ориентировки на достоверность, тем самым ограничивая контекст бытия-в-мире. «Широта ориентировки прямо связана с контекстом, а контекст задает смысл. Я не могу извлечь смысл, не включая мою ситуацию в контекст и не выходя за рамки узкого здесь-и-теперь; собственно, обратная связь дает мне очень ограниченный контекст. Широкий контекст дает миф, поэтому справедливо говорят о смыслообразующей функции мифа» [4, 75].

Таким образом, Д.А. Леонтьев приходит к выводу о неустранимой оппозиции достоверности и осмысленности: фиксация на текущем моменте приводит к повышению достоверности, к «пониманию истины о себе», а фиксация на широкой перспективе ведет к осмыслению не столько реальности, сколько сферы возможностей и перспектив [4].

С нашей точки зрения, «актуальное бытие-в-мире» не противоположно мифу, а соотносится с его конкретными «неизбежностями», которые необходимо осознанно и «смирненно» принять, так как только по отношению к ним «актуальное бытие-в-мире» и определяется. Эти данности, «неизбежности» и ограничения образуют пространство детерминизма человеческой жизни. Парадокс «актуального бытия-в-мире» заключается в том, что своей значимостью оно обязано мифу и наоборот. Достоверность и осмысленность обуславливают друг друга, немислимы друг без друга [11].

С нашей точки зрения, наличие внутреннего контекста как ценностно-смыслового фрейма восприятия реальности и взаимодействия с ней является необходимой предпосылкой порождения процессов дискурсивного конструирования опыта (интерпретационных процессов, процессов смыслопорождения) личности. Достаточным же условием здесь выступает внешний контекст, игнорирование которого (нивелирование, полное или частичное обесценивание и т. д.) препятствует продуктивному протеканию обозначенных процессов.

Внутренний контекст мы предлагаем артикулировать как смысловую рамку, которую человек применяет для интерпретации опыта: явлений, фактов, событий, происходящих или могущих произойти с ним и/или другими. С одной стороны, внутренний контекст неизбежно является ограничителем опыта: человек видит мир через его призму, через определенное оптику тех или иных смыслов. С другой стороны, наличие внутреннего контекста является ключевым условием того, чтобы диалог человека с миром в принципе стал возможным. Набрасывая собственные смысловые фреймы на окружающую действительность, индивид приобретает возможность ее интерпретировать и реинтерпретировать – придавать миру смысловое измерение, осуществлять ценностно-смысловую детерминацию своей жизни в «эпоху неизвлеченного смысла» (Ф.И. Гиренок).

Как подчеркивает Н. Луман, смысл существует и функционирует, одновременно на двух сторонах своей формы или границы: на одной из них он дан актуально значимым, на другой – возможностью его реализации [6, 50]. Эта идея находит свое развитие во взглядах А.С. Шарова, согласно которым возможность оформляет смысл извне, задает ему внешнюю форму, а актуально значимое оформляет смысл изнутри, на внутренней стороне границы. При актуализации смысл указывает на отнесение к миру, т. е. на другую сторону границы, включая в себя «меру действия» субъекта с объектом. Таким образом, с точки зрения А.С. Шарова, смысл выступает вероятностным конструктом

регулятивной активности, отражающей не только актуально значимое, но и меру вероятности реализации этой значимости [10].

А.С. Шаров также заключает, что сопряжение внешнего и внутреннего миров носит ценностно-смысловой характер и выражается в персональном мифе. Согласно его концепции, мифологические законы – это и есть подлинные и самые реальные законы бытия человека, формирующиеся посредством рефлексивного оформления социокультурного опыта жизни. Здесь смысл выступает вероятностным конструктом персонального мифа, механизмом сопряжения внешнего и внутреннего миров. «Во внутреннем мире воображения в процессах обживания идет оформление персонального мифа как ценностно-смыслового пространства, в котором человек создает и реализует свой жизненный проект. Обживание является своеобразным «полигоном», где человек разворачивает и «мифически реализует» принятые им смыслы и даже те, которые не всегда можем реализовать в наличном бытии. Персональный миф есть экзистенциальное, базовое устройство человеческого «Я», в аспекте его умения быть собой» [10, 445].

А.С. Шаров подчеркивает, что человек в процессах «обживания» осваивает новые смысловые измерения, выполняет функцию рефлексивного проектирования поведения на основе имеющегося опыта, т. е. не только овладевает смыслами, но и связывает себя ими, тем самым задавая законы собственной жизни. «Обживание» автором понимается не столько как обустройство и организация жизни, сколько ее конструирование и прогнозирование.

В этом контексте мир воображения рассматривается как специфический полигон или виртуальная реальность, где человек не только «опробывает» и «мифически реализует» свои смыслы и ценности, но и как многомерное пространство, в котором всегда можно реализовать нереализуемое.

Именно «обживание» пространства собственной жизни, ее событийного поля превращает персональный миф в такую реальность, которую человек

считаем своей. Принятие персонального мифа как своего собственного происходит именно в процессе «обживания», словами А.С. Шарова, переживания и построения значимых ценностно-смысловых связей «Человек – Мир». Человек стремится в мифе проявить и выразить себя, свою собственную историю. История личности является мифологической реализацией стремления человека к значимости, «какой миф – такова и личность человека, т. к. личность оформляется и осмысливается в рамках мифа» [10, 448]. Описанные выше идеи А.С. Шарова соотносятся с концепциями Г. Херманса, Т. Сарбина, М. Уоткинса в русле нарративного подхода.

Можно заключить, что в процессе «обживания» персонального мифа человек конструирует свой опыт, реализуя самое важное и значимое в своей жизни. Миф, являясь смыслоносущей реальностью, одновременно представляет личность человека в ее ценностно-смысловых связях с миром, в процессе саморегуляции и саморазвития.

«Между мифом и актуальным бытием-в-мире как двумя основаниями регуляции существуют достаточно сложные двусторонние отношения, поэтому не лишней представляется постановка вопроса «кто кого» в случае их конфликта, расхождения: подчинится ли сознание упрямой реальности или, напротив, будет трансформировать реальность, подчиняя ее своему руководящему и направляющему мифу» [4, 72]. Однако, как подчеркивает Д.А. Леонтьев, их противопоставление является относительным, «в реальности элементы и того, и другого происхождения оказываются в достаточной степени слиты; миф пронизывает все» [4, 72].

Жизнь вне мифа протекает изолированно. Она лишена значимых связей, замкнута в себе, слабо связана с жизнями «Других». В ней за пределами актуального «здесь и теперь» отсутствует перспектива. Такая жизнь детерминируется причинами, является отчужденной (не воспринимается человеком как «своя собственная»), а скорее мотивируется необходимостью. «Подсвеченная мифом» жизнь, напротив, соотносится с чем-то большим, она

обладает перспективой, управляется возможностями, детерминируется преимущественно целями, которые человек сам себе ставит.

В мифе, как в некоторой целостности, все предметы и явления обретают особую взаимосвязь и сопричастность. Персональный миф для человека творит особую социокультурную реальность, связывает предметы, процессы и явления в нечто единое, вследствие чего в мифе и проявляется особая каузальность.

Осмысленность жизни человека соотносится с богатством ее связей с миром, прежде всего с их многообразием и структурированностью, в результате чего и формируется связность жизни как целого. Богатство и упорядоченность актуальных и потенциальных связей человека с миром, с нашей точки зрения, может выступать важными показателями развития личности. Чем объемнее жизненные отношения субъекта и доступнее возможности их структурирования – регуляторные механизмы, освоенные человеком, тем более гибко он может конструировать свой опыт, выстраивать собственную жизнь так, чтобы она обрела индивидуальный характер.

Выводы. Таким образом, в процессе дискурсивного конструирования опыта личности сюжет ее субъективной автобиографии определяется стремлением обретения целостности не только в рамках психологической, но и мифопоэтической типологии.

Можно заключить, что конструирование опыта предполагает единство осмысления пространства возможного и осознания актуальной жизненной ситуации личности, что, в свою очередь, является необходимой предпосылкой ее самодетерминируемой жизнедеятельности. Роль мифа в напряженном процессе «обживания» своего «возможного» заключается, прежде всего, в установлении ценностно-смысловых отношений между человеком и миром, в расширении контекста этих отношений, что и позволяет рассматривать его в качестве смыслотворящего ресурса («смыслонесущей реальности») выстраивания собственной идентичности в процессе конструирования личностного опыта.

Список используемых источников

1. Гуцол С. Ю. «Сюжет перехода» как мифологическая форма воплощения личностного проекта студенческой молодежи. *Актуальні проблеми психології* : зб. наук. пр. Ін-ту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. Т. II : Психологічна герменевтика. 2014. Вип. 8. С. 73–82.
2. Гуцол С. Ю. Психологічні особливості структурних складових неоміфолгіного наративу. *Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»*. Філософія. Психологія. Педагогіка : зб. наук. праць. 2011. № 1. С.103–108.
3. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. *Язык. Личность. Текст* : Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН ; отв. ред. В. Н. Топоров. Москва : Языки славянских культур, 2005. С. 34–55. URL : <http://www.infolex.ru/Textidis.html> (дата звернення : 15.10.2020).
4. Леонтьев Д. А. Мироззрение и бытие-в-мире как основания регуляции. *Экзистенциальная традиция* : философия, психология, психотерапия. 2008. № 2 (13). С. 72–77.
5. Леонтьев Д. А. Мироззрение как миф и мироззрение как деятельность. *Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе* / под ред. В. И. Кабрина, О. И Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 11–29.
6. Луман Н. Общество как социальная система. / Пер. с нем. А. Антоновский. Москва : Логос, 2004. 232 с.
7. Самохвалова В. И. Мифы для массового человека. *Полигнозис*. 2001. № 1. С. 120–139.
8. Чепелева Н. В. Методологические основы исследования личности в контексте психологической герменевтики. *Личность и ее жизненный мир : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии*

ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, 3–4 октября 2013 г.) / Под ред. Л. И. Дементий. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 34–39.

9. Чепелева Н. В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта. *Мова і культура (Науковий щорічний журнал)*. Т. II. Вип. 6. *Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації*. Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. С. 25–33.

10. Шаров С. А. Онтология персонального мифа жизни. *Фундаментальные исследования. Философские науки*. 2012. № 9. Ч. 2. С. 445–449.

11. May R. *Freedom and destiny*. NY : W.W. Norton & Co., 1981. 276 p.

References

1. Hutsol, S. Yu. (2014). «Syuzhet perekhoda» kak mifologicheskaya forma voploshcheniya lichnostnogo proyekta studencheskoy molodezh ["The plot of the transition" as a mythological form of embodiment of the personal project of student youth] *Aktualni problemy psykholohiyi : zb. nauk. pr. In-tu psykholohiyi imeni H. S. Kostyuka NAPON Ukrayiny. Psykholohichna hermenevtyka – Actual problems of psychology: coll. art. G.S. Kostyuk Institute of Psychology, National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine. Psychological hermeneutics*, Vol. II, 8, 73–82. [in Russian]

2. Hutsol, S. Yu. (2011). Psykholohichni osoblyvosti strukturnykh skladovykh neomifolhinoho naratyvu [Psychological features of the structural components of the neomyfolgic narrative]. *Visnyk Natsionalnoho tekhnichnoho universytetu Ukrayiny «Kyivskyy politekhnichnyy instytut». Filosofiya. Psykholohiya. Pedagogika – National Technical University of Ukraine Journal. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 1, 103–108. [in Ukrainian]

3. Demyankov, V. Z. (2005). Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного yazyka [Text and discourse as terms and as words of an ordinary language]. In Toporov V.N. (Ed.) *Yazyk. Lichnost'. Tekst – Language. Personality. Text: Coll. Art. Institute*

- of Slavic Studies RAS (pp. 34–55). Moscow: Languages of Slavic Cultures. Retrieved 15 Oct. 2020 from: <http://www.infolex.ru/Textidis.html> [in Russian]
4. Leont'yev, D. A. (2008). Mirovozzreniye i bytiye-v-mire kak osnovaniya regulyatsii [Worldview and being-in-the-world as the foundation of regulation]. *Ekzistentsial'naya traditsiya : filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya – Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy*, 2(13), 72–77. [in Russian]
  5. Leont'yev, D. A. (2004). Mirovozzreniye kak mif i mirovozzreniye kak deyatel'nost' [Worldview as a myth and worldview as an activity]. In *Mentalitet i kommunikativnaya sreda v tranzitivnom obshchestve – Mentality and communicative environment in a transitional society* (pp.11–29). Tomsk : Tomsk State University Publ. [in Russian]
  6. Luman, N. (2004). Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a social system] (Antonovsky A., tran.). Moscow : Logos. [in Russian]
  7. Samokhvalova, V. I. (2001). Mify dlya massovogo cheloveka [Myths for the mass man]. *Polignozis–Polygnosis*, 1, 120–139. [in Russian]
  8. Chepeleva, N.V. (2013). Metodologicheskiye osnovy issledovaniya lichnosti v kontekste psikhologicheskoy germenevtiki [Methodological foundations of personality research in the context of psychological hermeneutics]. In Dementy L. I. (Ed.) *Lichnost' i yeye zhiznenny mir : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 20-letiyu fakul'teta psikhologii OmGU im. F. M. Dostoyevskogo (Omsk, 3–4 oktyabrya 2013 g.)– Personality and its life world: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Psychology of Omsk State University named after F.M.Dostoevsky (Omsk, October 3-4, 2013)* (pp.34–39). Omsk: Publishing house Om. state University. [in Russian]
  9. Chepeleva, N. V. (2003). Psihologicheskie mehanizmy ponimaniya i interpretatsii lichnogo opyta [Psychological mechanisms of understanding and interpretation of personal experience]. *Mova i kul'tura – Language and culture*. (Kyiv, Dmytro Burago Publishing House), 6(2), 25–33. [in Russian].

10. Sharov, S. A. (2012). Ontologiya personal'nogo mifa zhizni [Ontology of personal myth of life]. *Fundamental'nyye issledovaniya. Filosofskiye nauki – Fundamental research. Philosophical sciences*, 9(2), 445–449. [in Russian]
11. May, R. (1981). *Freedom and destiny*. NY : W.W. Norton & Co.